

Мир
Тьмы.
Пожиратель
миров

Александра Ушакова

Теневой мир .

Александра Ушакова

Мир Тьмы. Пожиратель миров

«Автор»

2026

Ушакова А. А.

Мир Тьмы. Пожиратель миров / А. А. Ушакова — «Автор»,
2026 — (Теневой мир .)

Физик Ласир Хал умерла в своём мире. Но во тьме за гранью смерти её встретила та, кому нужен вор — не герой. Проснувшись в мастерской некрокукольника, Ласир обнаруживает, что её новая оболочка собрана из алхимических кристаллов и драконьего сердца, а её настоящая цель — отнять у безжалостного мальчишки «Пожирателя миров». Ради не хочет отдавать Книгу. Она дала ему силу выворачивать людей наизнанку взглядом, и он полон ненависти ко всем, кто разрушил его семью. Пока Чёрный Жнец правительства охотится за беглецами, а тело самой Ласир рассыпается без магии, у неё есть только один шанс выжить: либо убить ребёнка, либо спасти его. Потому что если «Пожиратель миров» поглотит носителя — вслед за мальчишкой рухнет реальность. Мрачное приключение, где наука борется с магией, а кукла учится быть человеком.

© Ушакова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мир тьмы. Теневой мир-6	5
Книга первая. Пожиратель миров	5
Глава первая. Тропа из серого камня	5
1.	5
2.	8
3.	11
Глава вторая. Чёрная ведьма	14
1.	14
2.	16
3.	17
4.	19
5.	21
Глава третья. Пожиратель миров	23
1.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александра Ушакова

Мир Тьмы. Пожиратель миров

Мир тьмы. Теневой мир-6

Книга первая. Пожиратель миров

Глава первая. Тропа из серого камня

1.

Она никогда не верила в загробную жизнь.

Это казалось ей смешным — придумывать утешение для тех, кто боится темноты. Ласир Хал, биоинженер Старшего порядка, женщина, чьи руки переписывали геном и останавливали старение, привыкла оперировать фактами. А факты говорили: сознание — это электрические импульсы в коре головного мозга. Прекращается активность — исчезает и «я». Нет души. Нет продолжения. Только тишина. Только пустота. Только покой, который не ощущается как покой, потому что некому ощущать.

Она ошибалась.

Пустота оказалась совсем не пустой.

Первое, что осознала Ласир после того, как давление рождающейся звезды сжало её тело в точку размером с атом, — это холод. Не тот холод, когда мёрзнут пальцы или стынет дыхание. Другой. Глубинный. Костный. Холод, который не снаружи — внутри. Будто кто-то вынул из неё всё тепло, которым она успела напиться за тридцать семь лет жизни, и заменил его на пустоту.

Второе — запах. Озон. Пыль. И что-то ещё, чего она не могла опознать, но что заставляло ноздри раздуваться, а мозг — лихорадочно перебирать картотеку воспоминаний. Пахло так, как пахнет в лаборатории после мощного разряда — когда воздух ионизирован, а волосы встают дыбом. Но здесь не было лаборатории. Не было волос. Не было тела.

Третье — звук.

Шаги.

Множество шагов — шаркающих, неспешных, усталых. Шаги людей, которые идут долго и не помнят, зачем начали. Шаги тех, кто смирился.

Ласир открыла глаза.

Она не помнила, как закрывала их. Не помнила момента смерти. Только вспышку — белую, ослепительную, такую яркую, что даже сквозь веки выжгло сетчатку. А потом — пустота. А потом — этот холод, этот запах, эти шаги.

Она лежала на камне.

Сером. Холодном. Шершавом, как наждачная бумага. Камень тянулся во все стороны — плоская, бесконечная дорога, теряющаяся в тумане. Туман был везде: серый, липкий, он стелился по земле, поднимался до колен, до пояса, до груди. Он не мешал дышать, но хотелось кашлять — просто потому, что он был, потому, что он заполнял собой всё пространство, не оставляя места для чистого воздуха.

Ласир села.

Тело слушалось — не совсем то, к которому она привыкла. Другое. Легче. Будто она сбросила не одежду, а саму плоть — всю лишнюю, тяжёлую, земную. Она посмотрела на свои руки. Те же пальцы — длинные, с аккуратно остриженными ногтями. Те же шрамы — на левом запястье, от неудачного эксперимента в юности, когда скальпель соскользнул. Те же родинки — на тыльной стороне ладони, три точки, похожие на созвездие Ориона.

Но кожа была бледнее. И сквозь неё, если приглядеться, просвечивало что-то — сеть тончайших линий, серебряных и чёрных, пульсирующих слабым, едва заметным светом.

Импланты.

Они остались с ней. Перешли через грань смерти, как переходят реку вброд — неся на плечах всё, что нажито. Сеть филигранных узоров, впаянных в плоть, в кости, в самую суть её сознания. Ласир провела пальцами по предплечью. Кожа была гладкой, но под пальцами ощущались крошечные бугорки — чипы, накопители, микроконтуры. Они молчали. Не гудели, как в её мире. Не передавали данные. Просто — были. Память о том, кем она когда-то была.

— Живая, — прошептала Ласир.

Голос прозвучал глухо, словно она говорила через толстый слой ваты. Туман заглотил звук, не дав ему улететь дальше чем на шаг.

Она поднялась.

Ноги держали. Покачивало, как на палубе после долгого шторма, но она устояла. Осмотрелась.

Впереди и сзади — одно и то же. Серая тропа, уходящая в бесконечность. Справа и слева — туман, такой плотный, что за ним ничего не разглядеть. Ни деревьев. Ни домов. Ни горизонта. Только серая мг ла, только камень под ногами, только тишина, нарушаемая шарканьем десятков — сотен? — ног.

Ласир обернулась.

Они шли.

Вереница фигур в серой мгле — мужчины, женщины, старики, дети. Некоторые — почти прозрачные, едва различимые. Другие — плотные, почти живые. У всех — одинаковое выражение лиц: отсутствующее, сонное, как у людей, которых разбудили среди ночи и заставили идти, не объяснив зачем.

Никто не разговаривал.

Никто не смотрел по сторонам.

Только вперёд — туда, где в конце тропы, на границе видимости, мерцала арка света. Не яркого. Не тёплого. Голубоватого, холодного, похожего на свет ртутной лампы в операционной.

Ласир пошла вместе с ними.

Не потому, что хотела. Не потому, что знала, куда идти. Просто — не было других вариантов. Стоять на месте казалось неправильным. Возвращаться назад — страшным. Оставалось только двигаться вперёд, переставляя ноги по серому камню, вдыхая серый туман, слушая серую тишину.

Она шла и думала.

В её мире — том, который сжался в точку, — была поговорка: «У смерти нет выхода, потому что у неё нет входа». Ласир никогда не понимала её смысла. Теперь — начинала.

Она умерла. Это факт. Давление рождающейся звезды раздавило её тело, как пустую банку. Её коллеги — те, кто выжил после сбоя — наверняка уже написали отчёты. «Эксперимент «Точка»: критическая ошибка на третьей секунде теста. Сорок четыре погибших. Причина — гравитационный коллапс непредсказуемой природы».

Её имя внесли в список. Поставили галочку. Забыли.

А она шла по серой тропе в очереди таких же мёртвых бедолаг и чувствовала себя не мёртвой — спящей. Будто всё это — сон. Будто сейчас она откроет глаза в своей лаборатории,

на жёсткой кушетке, где иногда спала между экспериментами, и увидит привычные стены, привычные приборы, привычный мир, где нет магии, нет тумана, нет арки света в конце дороги.

Но сон не заканчивался.

Тропа петляла — хотя это казалось невозможным: как может петлять дорога, у которой нет ни поворотов, ни развилок? Но Ласир чувствовала: они идут не по прямой. Пространство здесь жило своей жизнью. Оно дышало, сжималось, расширялось, складывалось в складки, как ткань на коленях у портнихи. Каждый шаг отдавался эхом не только в камне — в самой реальности.

— Куда мы идём? — спросила она у женщины, шедшей рядом.

Та не ответила. Даже не повернула головы. Её глаза — пустые, белые, без зрачков — смотрели прямо перед собой. Она была не слепа — она была отсутствующей. Тело шло, но душа — если она у неё была — давно улетела куда-то вперёд, к арке, к свету, к тому, что ждало в конце.

Ласир попробовала заговорить с мужчиной слева.

Тот же результат.

С ребёнком — девочкой лет десяти, с косичками и в разорванном платье.

Девочка посмотрела на неё — на секунду, всего на секунду — и в её глазах Ласир увидела страх. Такой сильный, такой чистый, что у неё самой защемило в груди. Но девочка ничего не сказала. Отвернулась и пошла дальше, вжимая голову в плечи, будто боялась удара.

Ласир перестала задавать вопросы.

Она шла.

Минуту. Час. День. Время здесь тоже было другим. Оно не текло — оно стояло на месте, как вода в затхлом пруду. Ласир не чувствовала голода. Не чувствовала жажды. Не чувствовала усталости — только тяжесть в ногах, которая не проходила и не усиливалась. Просто — была. Фоном. Постоянной, как гул трансформатора в подстанции.

А потом тропа кончилась.

Не резко. Не обрывом. Просто туман расступился, и Ласир увидела то, что ждало впереди.

Арка.

Она парила в воздухе — огромная, высотой в десятиэтажный дом, сложенная из света, который не имел источника. Голубое свечение струилось по её контуру, как вода по водопаду, но не падало вниз — возвращалось вверх, замыкаясь в бесконечный цикл.

Внутри арки — пустота. Не чёрная. Не белая. Абсолютная. Отсутствие всего. Даже туман не смел проникать туда.

Очередь мёртвых подходила к арке, останавливалась на мгновение — и шагала внутрь. Без звука. Без вспышки. Просто — исчезали. Переходили черту, за которой не было ничего.

Ласир остановилась в двадцати шагах от арки.

Она не хотела туда идти.

Всё её существо — учёный, скептик, материалист — кричало: «Это неправильно. Это ошибка. Меня не должно быть здесь». Но ноги не слушались. Они сами несли её вперёд, сантиметр за сантиметром, приближая к светящейся арке, к пустоте, к концу.

И тогда появилась Она.

2.

Ласир не заметила, откуда пришла Дама в чёрном плаще.

Просто — была очередь. А в следующее мгновение — рядом с Ласир уже стояла фигура, которая не вписывалась в серый пейзаж.

Плащ — чёрный, тяжёлый, из материала, который Ласир не могла определить. Не кожа. Не ткань. Не металл. Что-то живое, что дышало и переливалось, как крыло ворона на солнце — если бы здесь было солнце. Капюшон был низко надвинут, скрывая лицо, но из-под него не падала тень — там была только темнота. Глубокая, бесконечная, как колодец без дна.

Руки, которые выглядывали из широких рукавов, были костяными.

Не в перчатках. Не муляж. Настоящие кости — белые, гладкие, с едва заметными трещинами. Пальцы — длинные, с острыми фалангами, похожие на корни старого дерева. Они не сжимались и не разжимались — они просто были, сложенные в спокойном, почти молитвенном жесте.

Дама в чёрном плаще не шла. Она стояла. И всё же Ласир казалось, что она движется — не в пространстве, во времени. Что она была здесь всегда, просто скрытая туманом. Что она ждала именно Ласир. Именно сейчас.

— Ты, — сказала Дама.

Голос шёл не из-под капюшона. Он возникал в голове Ласир, минуя уши, минуя сознание, вплетаясь прямо в мысли. Он был низким, грудным, с лёгкой хрипотцой — как у женщины, которая много курила или много говорила на ветру. Но в нём не было угрозы. Была только уверенность. Такая абсолютная, такая всепоглощающая, что спорить с ней казалось таким же бессмысленным, как спорить с гравитацией.

Ласир хотела спросить: «Кто ты?». Или: «Что тебе нужно?». Или: «Где я?».

Но вместо этого — просто охнула.

Тихо. Почти беззвучно. Воздух вышел из лёгких — тех, которых у неё здесь не было, но ощущение осталось, — и застыл в тумане маленьким облачком.

Дама услышала.

Она протянула руку — левую, костяную, с тонкими, как спицы, пальцами. В раскрытой ладони лежала ветвь.

Серебряная.

Не настоящая — Ласир видела разницу. Ветвь была сделана из металла, но такого тонкого, такого живого, что казалось: если дунуть, она закачается на ветру. Три крошечных листа — два на концах, один в середине — отливали голубым, тем же цветом, что и арка. Они не были плоскими — они были объёмными, с прожилками, с капельками росы, которая не высыхала.

Ветвь дышала.

Ласир видела, как пульсирует свет в её прожилках — слабо, ритмично, в такт чему-то, чего она не слышала. Может быть, в такт сердцебиению Дама. Может быть, в такт самой смерти.

— Принеси мне мою книгу, — сказала Дама. — И я верну тебе утраченное.

Ласир смотрела на ветвь. На костяные пальцы, которые держали её. На темноту под капюшоном, где, наверное, должны были быть глаза.

— Какое утраченное? — спросила она. Голос дрожал — впервые в жизни. Ласир не помнила, чтобы когда-нибудь боялась. Эксперименты, взрывы, смертельные риски — всё это было работой. Она умела считать вероятность, оценивать угрозу, отключать страх, как ненужный процесс. Но здесь не было формул. Не было вероятностей. Был только туман, арка и женщина из костей и тьмы.

Дама молчала долго. Так долго, что Ласир уже решила — ответа не будет.

— Всё, — сказала Дама наконец. — Я верну тебе всё, что ты потеряла. Мир. Тело. Имя. Смысл.

Ласир усмехнулась — нервно, одними уголками губ.

— А если я откажусь?

— Тогда ты войдёшь в арку, — Дама кивнула в сторону голубого света. — И станешь ничем. Как те, кто прошёл до тебя. Как те, кто пройдёт после. Ни боли. Ни памяти. Ни сожаления. Только пустота.

— Звучит неплохо, — сказала Ласир. — Спокойно.

— Спокойно, — согласилась Дама. — Но ты не ищешь покоя. Ты ищешь ответы. Всегда искала. С тех пор как впервые взяла в руки скальпель. С тех пор как поняла, что мир можно переделать.

Ласир замерла.

Откуда она знала про скальпель? Про детство? Про ту ночь, когда Ласир, двенадцатилетняя девочка, вскрыла мёртвую мышь, чтобы понять, как работают кости?

— Я знаю всё, — ответила Дама на незаданный вопрос. — Я — закон этого мира. А закон помнит каждого, кто когда-либо заключал сделку.

— Я не заключала никакой сделки.

— Ты жила, — Дама сделала шаг ближе. Туман расступился перед ней, как море перед пророком. — Это уже сделка. Ты дышала. Ты ела. Ты спала. Ты любила. Ты ненавидела. Всё это — сделки с миром. И когда-нибудь мир требует плату. Твоя плата — книга.

Она снова протянула ветвь.

Серебро блеснуло в голубом свете арки. Листья шевельнулись — будто от ветра, которого не было.

Ласир подумала.

Она думала о своей лаборатории. О проекте «Точка». О том, как три года жизни вложила в расчёты, в симуляции, в бесконечные проверки и перепроверки. О том, как всё рухнуло за три секунды. О том, как давление рождающейся звезды сжало её в точку — и она не успела даже испугаться.

Она думала о своих коллегах. Об Эмили, которая всегда оставляла ей кофе на столе. О Марке, который шутил даже во время аварий. О стажёре Джейсоне, который назвал её «миссис Холодное Сердце» за глаза — и которого она всё равно научила всему, что знала.

Они умерли.

Все.

Сорок четыре человека сжались в точку вместе с ней. Сорок четыре судьбы. Сорок четыре истории. Сорок четыре доказательства того, что наука не всесильна.

— Где мои коллеги? — спросила Ласир. — Они тоже здесь? В этой очереди?

Дама покачала головой. Капюшон колыхнулся, и из-под него на секунду показался череп — белый, гладкий, без единой царапины. Глазницы были пустыми, но Ласир знала: её видят. Оценивают. Взвешивают.

— Их нет, — сказала Дама. — Они вошли в арку. У них не было выбора.

— Почему у меня есть?

— Потому что ты — не совсем мёртвая, — Дама протянула ветвь ещё ближе. — Твои импланты сохранили часть сознания. Достаточно, чтобы заключать сделки. Достаточно, чтобы выбирать.

Ласир посмотрела на свои руки. Серебряные и чёрные линии под кожей пульсировали — слабее, чем в её мире, но всё ещё пульсировали. Сеть. Паутина. Карта неизвестной территории.

— Что за книга? — спросила она.

— Моя, — ответила Дама. — Её украли. Я хочу вернуть.

— Почему ты сама не можешь?

— Потому что я — закон, — в голосе Дамы впервые проскользнуло что-то похожее на горечь. — Закон не может касаться того, что нарушает закон. Это парадокс. Я не могу взять книгу, потому что книга — часть меня. А часть себя нельзя украсть. Только потерять.

Она замолчала.

Ласир смотрела на ветвь. Серебряную. Тонкую. Опасную.

Всё в ней кричало: не бери. Учёный, скептик, материалист — они выстроились в очередь и хором твердили: «Сделки с неизвестным — всегда риск. Оцени вероятность. Посчитай издержки. Не бери, пока не поймёшь условия».

Но другая часть Ласир — та, что толкнула её в науку, та, что заставила работать над реактором, который мог дать человечеству бесконечную энергию, та, что не боялась умереть ради знания, — шептала: «Возьми. Это шанс. Единственный».

— Я не доверяю тебе, — сказала Ласир.

— Правильно, — ответила Дама. — Доверие — роскошь для живых. Ты мертва, Ласир Хал. У тебя нет права на доверие. Только на выбор.

Она протянула ветвь в последний раз.

Ласир протянула руку.

Пальцы коснулись серебра — и мир взорвался голубым светом.

3.

Город Самри. Семь часов сорок минут утра. Четыре дня спустя.

Она очнулась на мостовой.

Первое, что она почувствовала — боль. Не ту, когда ударились или порезались. Другую. Глубокую. Будто кто-то разобрал её на части и теперь собирал заново, путая левое с правым, верх с низом.

Второе — холод. Мостовая была каменной, серой, покрытой тонкой коркой льда. Самри — город, где даже летом не бывает тепло.

Третье — звук. Гул. Низкий, вибрирующий, похожий на работу мощного трансформатора. Гул приближался.

Ласир открыла глаза.

Она лежала на боку, лицом вниз. Левая щека прижималась к холодному камню, правый глаз видел только серые плиты и тёмную жидкость, растекающуюся по ним. Кровь. Её кровь. Или не её.

Она попыталась пошевелиться.

Рука — левая — дёрнулась, послушная, но странно лёгкая. Ласир подняла её перед лицом и замерла.

Это была не её рука.

Слишком белая. Слишком гладкая. Без шрамов. Без родинок. Без созвездия Ориона на тыльной стороне ладони. Вместо этого — швы. Тонкие, едва заметные, идущие по сгибам, по суставам, по тому месту, где кисть переходила в запястье. Кожа была не живой — она была сшита. Из кусочков. Как лоскутное одеяло.

— Что... — прошептала Ласир.

Голос был чужим. Механическим. С лёгкой металлической ноткой, как у динамика, через который передают сигнал.

Она попыталась сесть.

Не получилось.

Тело не слушалось — не потому, что было ранено. Потому что оно было собрано неправильно. Ласир чувствовала: её ноги — там, где должны быть руки. Её руки — там, где должны быть ноги. Внутренности перемешаны. Позвоночник перекручен.

Она лежала на мостовой, глядя на чужую руку, и медленно, очень медленно понимала: она не в своём теле. Она в теле кого-то другого. Или чего-то другого.

Гул приблизился.

Стригим — машина на магнитной подвеске, похожая на чёрную стрекозу с затемнёнными стёклами — затормозил в метре от её головы. Воздух загудел сильнее, и Ласир почувствовала, как её волосы — не её, чужие, длинные и седые — зашевелились от статического электричества.

Из машины вышел мужчина.

Крупный. Грузный. В дорогом пальто, под которым виднелся бронежилет. Лицо красное — от холода или от злости. Он обошёл стригим, остановился, глядя на то, что осталось от Ласир, и выругался.

— Чёртова кукла.

Он наклонился, разглядывая вмятину на капоте. Глубокая. Металл погнулся, краска облезла. Ласир увидела это с земли — странный угол обзора, смещённый, будто камера слежения сломалась.

— Такую вмятину оставила, — мужчина сплюнул на мостовую. — Где твой хозяин?

Ласир открыла рот, чтобы ответить, что у неё нет хозяина, что она — Ласир Хал, биоинженер, что её сжало в точку давлением звезды, что она не должна быть здесь, в этом теле, на этой мостовой.

Но из горла вырвалось другое.

— Хозяйка в магазине.

Голос был механическим, плоским, без интонаций. Но слова — не её. Ласир не выбирала их. Они пришли сами, как рефлекс. Как команда, вшитая в этот чужой мозг.

Мужчина нахмурился.

— В каком?

Он нагнулся, схватил её за волосы — длинные, седые, собранные в когда-то аккуратный пучок, а теперь растрёпанные и грязные — и приподнял. Ласир увидела остатки своего тела. Рука — справа. Нога — слева. Туловище — посередине, расколотое, как яйцо. А чуть дальше, уже на проезжей части, часть бедра, оторванная по самую кость.

Её новое тело было куклой.

Она поняла это окончательно, когда мужчина спросил:

— Ну? Я жду.

И её уцелевшая рука — левая, та, которую она рассматривала минуту назад — поднялась сама собой и указала на вывеску через дорогу.

«Чёрная ведьма».

Магазин кожгалантереи.

Кожа. Галантерея. Смерть, перешитая в ремесло.

Ласир не знала этого места. Не знала этого мира. Но тело, в котором она оказалась, знало. Оно жило здесь. Принадлежало кому-то. Любило. Страдало. Умирало.

И теперь — умерло окончательно.

Дверь магазина открылась.

Скрип — противный, ржавый, как будто петли не смазывали сто лет. Из темноты выбежала женщина. Приземистая, сгорбленная, с седыми волосами, собранными в такой же пучок, как у куклы. Она была старой — настолько старой, что возраст потерял смысл, превратившись просто в «много». Её лицо было изрезано морщинами, руки тряслись, глаза — красные, опухшие — смотрели на разбросанные части тела с такой болью, что у Ласир защемило в груди.

— Доченька, — прошептала старуха. — Доченька, доченька...

Она упала на колени прямо в лужу крови, начала собирать куски — руку, ногу, часть туловища, — прижимать их к себе, гладить мёртвую кожу, плакать.

— Моя доченька... моя девочка...

Мужчина в пальто поморщился.

— Эй, старая, — он кинул голову куклы — Ласир почувствовала, как мир перевернулся, как она пролетела три метра и приземлилась в чьи-то дрожащие руки. — Твоя «доченька» помяла мою машину.

Старуха не ответила. Она смотрела на лицо куклы — стеклянные глаза, неподвижные, пустые, губы, сомкнутые в тонкую линию, щёки, на которых выцвел румянец. Она гладила эти щёки, шептала что-то, и слёзы капали прямо на фартук её платья — старого, чёрного, в заплатках.

— Она тебя не слышит, — раздался голос с порога.

Ласир увидела её.

Эльфийка.

Она стояла в дверях «Чёрной ведьмы», прислонившись плечом к косяку. Высокая — выше старухи на голову, выше мужчины в пальто почти на полголовы. Заострённые уши торчали из-под коротких чёрных волос, глаза — янтарные, с вертикальным зрачком, как у кошки или змеи — смотрели на происходящее с ленивым, почти скучающим интересом.

На руках у неё были техно-перчатки — тонкие, из чёрной ткани, с мерцающими зелёными узорами, которые переливались при каждом движении. Такие перчатки Ласир видела только в концепт-артах будущего. В её мире они не существовали. Здесь — были реальностью.

— Она вообще никого не замечает, кроме неё, — эльфийка кивнула на старуху. — И никогда не замечала. Даже когда была живой.

Она спустилась по каменным ступеням — легко, почти танцуя — и подошла к машине. Провела пальцами по вмятине. Зелёные узоры на перчатках вспыхнули, загудели. Щёлкнула пальцами.

Возникла панель.

Голографическая. Прозрачная. С мигающими символами, которых Ласир не узнала — не китайский, не арабский, не иероглифы. Магические руны. Она видела такие только в играх и фэнтези-книгах. Здесь они были настоящими.

Эльфийка прошлась пальцами по панели — быстрыми, точными движениями. Металл под её руками застонал, заскрипел — и выровнялся. Вмятина исчезла, как будто её никогда не было. Краска восстановилась. Даже грязь смылась.

— Всё, лети отсюда, — эльфийка отряхнула руки. Зелёная пыль посыпалась на мостовую. — Пока её сын не пришёл. А то голову оторвёт.

Мужчина в пальто набычился.

— Ты хоть знаешь, кто я...

— Я не знаю, кто ты, — эльфийка остановила его жестом. Обычным. Не магическим. Но мужчина замер — как вкопанный. — А вот её сын — Чёрный Картак. Жнец правительства. Приходит по приказу. Уничтожает по приказу. Тебе оно надо?

Лицо мужчины изменилось. Бледность разлилась по щекам, губы сжались, глаза расширились. Он сделал шаг назад, потом другой.

— Извините, — сказал он, обращаясь к старухе. — Извините... я не знал...

Он сел в стригим и уехал. Гул стих. Тишина опустилась на улицу — тяжёлая, плотная, как туман на тропе.

Ласир лежала в руках у старухи, смотрела на небо — серое, низкое, без солнца — и ждала.

Эльфийка подошла к ней. Наклонилась. Янтарные глаза вгляделись в стеклянные зрачки куклы.

— Я всё почию, мадам Линь, — сказала она мягко. — Как новая будет. Бесплатно, конечно.

— Доченька, — прошептала старуха и сложила руки на фартуке.

Она не смотрела на эльфийку. Она смотрела на лицо куклы. На чужие черты, которые стали родными за долгие годы.

Ласир закрыла глаза.

И провалилась в темноту.

Глава вторая. Чёрная ведьма

1.

Мастерская «Чёрная ведьма» находилась в подвальном помещении старого дома на улице Мёртвых Литейщиков. Название улицы не было метафорой — здесь действительно когда-то жили мастера, отливавшие колокола для городских храмов. Храмы сгорели во время Великого Мора триста лет назад, колокола расплавили на оружие, а литейщики разбрелись кто куда. Но имя осталось. Как шрам. Как напоминание.

Дом, в котором ютилась мастерская, помнил те времена. Его стены из грубого серого камня были покрыты трещинами, похожими на сеть старых вен. Крыша прохудилась, и в дождливые сезоны в подвал текло ручьями — тогда Виллада Сталит, хозяйка мастерской, натягивала над верстаком брезент и работала под ним, как под зонтиком. В окна, выходящие на улицу, почти никогда не попадал свет — их заслоняли то ли соседние дома, то ли сама тьма, которая в Самри была гуще, чем в других городах мира Тени.

Но внутри, если привыкнуть к полумраку, открывался совсем другой мир.

Ласир, когда её внесли на руках, успела увидеть только фрагменты — верстак из чёрного дуба, залитый чьей-то старой кровью; стеллажи с банками, в которых плавали органы — человеческие, эльфийские, неопределимые; полки с инструментами, похожими на стоматологические, но больше и страшнее; и запах — сладкий, приторный, как от разлагающейся плоти, смешанный с резким ароматом спирта и чего-то металлического, похожего на озон.

Потом была тележка. Колёса скрипели, когда мадам Линь везла останки дочери через весь подвал. Ласир лежала на холодном металле, и её голова — оторванная, но почему-то всё ещё видящая и слышащая — подпрыгивала на каждом стыке плит.

— Сейчас, доченька, сейчас, — шептала старуха. — Виллада тебя соберёт. Она умеет. Она всех собирает.

Голос её был тихим, надтреснутым, как старая пластинка. Слёзы высохли, оставив на щеках солёные дорожки. Она двигалась механически, как заводная игрушка, у которой кончается завод.

Ласир хотела сказать ей, что она не её дочь. Что она — чужая душа из другого мира, случайно попавшая в это тело. Что настоящая Али Линь, наверное, уже ушла — в арку, в пустоту, в небытие.

Но голос не слушался.

Она могла только смотреть. И слушать. И ждать.

Мастерская кончилась, началась комната поменьше — лаборатория. Здесь было чище. Стены выложены белым кафелем, пол — резиновыми плитами, как в операционной. Посередине — металлический стол на регулируемых ножках. Над ним — лампа, но не простая, а алхимическая — в колбе мерцал голубой огонь, тот же цвет, что у арки на тропе.

Виллада уже ждала.

Она сменила уличную одежду на рабочий комбинезон — чёрный, плотный, с множеством карманов. Волосы убрала под косынку, открыв заострённые уши — Ласир заметила, что мочки у эльфийки были проколоты в нескольких местах, и в каждом проколе — маленький серебряный колокольчик. Когда Виллада двигала головой, колокольчики звенели — тихо, почти неслышно, но Ласир улавливала этот звон краем слуха.

— Клади сюда, мадам Линь, — Виллада указала на стол. — Голову — на подголовник. Руки — по бокам. Ноги — вместе. Как в морге.

Старуха кивнула и принялась раскладывать части. Её руки, старые, скрюченные артритом, двигались с осторожной нежностью. Она погладила каждый кусок перед тем, как положить на место. Ласир видела, как дрожат её пальцы. Как сжимаются губы. Как она сглатывает, чтобы не заплакать снова.

— Хорошо, — сказала Вилда, когда всё было разложено. — Теперь выйди. Я позову, когда закончу.

— Я останусь, — старуха подняла подбородок. В её глазах, опухших от слёз, мелькнул огонь. — Она моя дочь. Я имею право.

— Имеете, — согласилась Вилда. — Но если вы будете плакать над каждым швом, я соберу её к завтрашнему утру. А если выйдете — к вечеру. Выбирайте.

Мадам Линь выбрала. Она поцеловала холодный лоб куклы, перекрестила её — странным жестом, не похожим ни на один известный Ласир религиозный обряд — и вышла, тяжело опираясь на трость.

Вилда выждала минуту. Прислушалась. Убедилась, что шаги затихли.

Потом повернулась к столу.

— Ну что, пришлица, — сказала она негромко. — Давай знакомиться.

Ласир замерла. Голова куклы лежала на подголовнике — повернутая набок, стеклянные глаза смотрели в стену. Но она слышала каждое слово.

— Ты думала, я не заметила? — Вилда надела техно-перчатки. Зелёные узоры вспыхнули, загудели. — Когда я осматривала тело на улице, твоя душа дёрнулась. Не как Али. Али дёргается по-другому — мягко, привычно, как кошка, которая просыпается. А ты — как током ударило. Чужая. Незнакомая.

Она подошла к столу, наклонилась над головой куклы. Янтарные глаза с вертикальным зрачком смотрели прямо в стеклянные. Ласир почувствовала, как по позвоночнику — чужому, механическому, с алхимическими вставками — пробежал холод.

— Я знаю, что внутри тебя кто-то есть, — сказала Вилда. — И сейчас я буду тебя собирать. Не дёргайся. Не пытайся говорить. Дай мне сделать свою работу.

Она выпрямилась и отошла к стеллажу.

Ласир осталась лежать на столе, глядя в белый потолок, и пыталась осмыслить происходящее.

2.

Вилада работала молча.

Это было не то молчание, когда человеку нечего сказать. Другое — сосредоточенное, почти медитативное. Она двигалась вокруг стола плавно, как танцовщица, и каждое её движение было выверено до миллиметра.

Сначала она соединила позвоночник.

Кукла Али Линь была сделана по технологии, которую Ласир никогда не видела. Вместо позвонков — алхимические кристаллы, нанизанные на серебряную нить. Каждый кристалл светился изнутри — тусклым, тлеющим светом, как угли в потухающем костре. Вилада брала их один за другим, проверяла целостность, протирала специальной жидкостью из голубой склянки и вставляла на место.

— Позвоночник — основа, — бормотала она себе под нос. — Если он собран неправильно, кукла не будет ни ходить, ни стоять, ни сидеть. Будет просто лежать и смотреть в потолок. Как ты сейчас.

Она усмехнулась — не зло, скорее устало.

— Тебе повезло, что ты попала в тело Али. Мадам Линь не жалела денег. Это одна из лучших моих работ. Алхимический кристалл в каждом позвонке, драконье сухожилие вместо связок, медная проволока вместо вен. И сердце... — она помолчала. — Сердце мы ещё посмотрим. Твоя душа — не Али. Возможно, сердце отвергнет тебя.

Ласир чувствовала, как кристаллы один за другим встают на место. Это не было больно — тело куклы не чувствовало боли в привычном смысле. Но было странно. Будто кто-то настраивал музыкальный инструмент, в котором она была струной.

Когда позвоночник был собран, Вилада перешла к грудной клетке.

Ребра у куклы были костяными — настоящими, человеческими. Откуда они взялись — Ласир предпочла не думать. Вилада вставляла их в пазы на кристаллах, фиксировала серебряными скобами, проверяла подвижность. Скобы входили в кость с тихим хрустом — Ласир слышала его через вибрацию.

— Не бойся, — сказала Вилада, заметив, как дёрнулась голова куклы. — Кость мёртвая. Ей всё равно. И тебе должно быть всё равно.

Ласир хотела ответить, что ей не всё равно. Что она, биоинженер, привыкла работать с живыми тканями, с клетками, с ДНК — а не с мёртвыми костями и алхимическими кристаллами. Что этот мир пугал её до тошноты. Что она хотела домой, в свою лабораторию, к своим приборам, к своему кофе на столе.

Но голос не слушался.

Она молчала. И смотрела, как её новое тело собирают по частям, как куклу — потому что она и была куклой.

3.

Через час Вилада прервалась.

Она сняла перчатки, потянулась — спина хрустнула — и вышла из лаборатории. Вернулась с двумя кружками дымящегося чая. Одну поставила на край стола, другую прижала к груди, грея ладони.

— У нас есть время, — сказала она. — Картак придёт через час. Мадам Линь будет сидеть в углу и плакать. А мы с тобой поговорим.

Она села на табурет у стены, скрестила ноги.

— Ты можешь говорить? Не головой — душой. У тебя есть голос, Ласир? Или ты только слушать умеешь?

Ласир сосредоточилась.

Она представила, что говорит. Представила, как воздух выходит из лёгких — которых у неё ещё не было — как вибрируют голосовые связки — которых тоже не было — как слова складываются в предложения.

— Да, — сказала она.

Звук вышел хриплым, прерывистым, как по радио с помехами. Но это был звук. Голос. Её голос — только чуть ниже, чуть грубее, потому что голосовые связки Али Линь были устроены иначе, чем у Ласир Хал.

Вилада улыбнулась.

— Отлично. Значит, я не ошиблась. Ты — разумная. И ты — не из этого мира. Рассказывай.

— С чего начать? — спросила Ласир.

— С начала. Как ты умерла. Как попала на тропу. Кто дал тебе ветвь. И где книга.

Ласир замолчала.

С чего начать? С лаборатории? С эксперимента «Точка»? С давления рождающейся звезды, которое сжало её в точку? Или с того момента, как она открыла глаза на серой тропе и увидела арку света?

— Меня зовут Ласир Хал, — сказала она. — Я биоинженер Старшего порядка. Мой мир не знает магии. Только науку.

— Знаю, — кивнула Вилада. — Миры без магии — редкие, но бывают. Обычно они гибнут первыми. Слишком самоуверенные. Слишком любопытные.

— Мой мир не погиб, — возразила Ласир.

— А ты откуда знаешь? — Вилада подняла бровь. — Ты умерла. Ты не была там после смерти. Может, ваш эксперимент «Точка» разорвал вашу планету на куски. Может, вы создали чёрную дыру и сожрали свою солнечную систему. Ты не знаешь. И никогда не узнаешь.

Ласир хотела спорить. Но не могла. Потому что Вилада была права.

— Я проводила эксперимент, — сказала она вместо этого. — Реактор, который должен был дать бесконечную энергию. На третьей секунде произошёл сбой. Гравитационный коллапс. Меня и ещё сорок три человека сжало в точку. Давлением рождающейся звезды.

— Болезненно?

— Я не успела почувствовать. Вспышка — и темнота. А потом — серая тропа. Туман. Очередь мёртвых. И арка света.

— Арка — это переход, — сказала Вилада. — Туда уходят души, которые не заключили сделку. Которые просто умерли и не оставили следов. Ни хороших, ни плохих.

— А я заключила сделку?

— Ты взяла ветвь. Это уже сделка. Хозяйка Чёрного Плаща не даёт ничего бесплатно.

Ласир помолчала.

— Она сказала: «Принеси мне мою книгу — и я верну тебе утраченное». Я не знала, что это значит. Но в её голосе была такая уверенность... я подумала, что она врёт. И всё равно взяла.

— Все так думают, — усмехнулась Вилада. — И все всё равно берут. Потому что альтернатива — арка. Пустота. Небытие. Страшно, правда?

— Не знаю, — честно ответила Ласир. — Я не успела испугаться. Я просто... взяла.

Вилада кивнула, допила чай, поставила кружку на пол.

— Ладно. Историю я поняла. Теперь — тело. Ты в кукле Али Линь. Али — дочь мадам Линь. Её сбил стригим четыре дня назад. Тело разорвало на куски. Душа ушла в пустоту — или не совсем ушла, потому что я успела перехватить часть. Али вернётся. Частично. А ты... ты здесь временно.

— Временно?

— Пока я не придумаю, что с тобой делать, — Вилада поднялась. — Ты не можешь оставаться в теле Али. Это её тело. У неё есть мать, есть брат — Картак, не кровный, но считает её сестрой. Ты — чужая. Тебя нужно извлечь.

— Как ошибку, — тихо сказала Ласир.

— Как ошибку, — согласилась Вилада. — Или как дар. Не решила ещё.

Она натянула техно-перчатки и вернулась к столу.

— А теперь — работаем. Я буду собирать тело. Ты — молчать и не дёргаться. Потом — разберёмся.

Ласир замолчала.

И смотрела, как её новое тело обретает форму.

4.

Картак вошёл без стука.

Дверь лаборатории открылась, и Ласир увидела его впервые — не силуэт на улице, не тень в отражении, а живого, настоящего, во плоти.

Он был высоким — выше Виллады на голову, выше мадам Линь на две. Широкие плечи обтягивал чёрный мундир правительственного жнеца — без нашивок, без знаков отличия, только ткань и кожа. Ремни с метательными ножами пересекали грудь и бедра, на поясе висела тяжёлая кобура с чем-то, похожим на жезл.

Лицо его скрывала полумаска — из тёмного металла, гладкая, обтекаемая, оставляющая открытыми только глаза. Глаза горели холодным синим — не магическим светом, а тем особенным блеском, который бывает у людей, переживших слишком много смертей.

Он не посмотрел на Вилладу. Не посмотрел на мать, которая сидела в углу и сжимала кружку с чаем. Сразу — на стол. На разобранное тело куклы.

— Кто? — спросил он.

Голос шёл из-под маски ровный, без интонации, как у робота. Но в этом коротком «кто» было больше ярости, чем в любом крике. Ласир почувствовала это — вибрацией воздуха, холодом, который разлился по лаборатории.

— Несчастный случай, — Виллада не отвела глаз. — Стригим. Водитель уже извинился.

— Я не про вмятину.

Картак шагнул к столу. Ласир видела, как напряглись его плечи, как сжались кулаки. Техно-перчатки на его руках загорелись красным — диагностическим режимом. Он провёл ладонью над головой куклы, над грудной клеткой, над инородным предметом, который Виллада уже заметила, когда собирала позвоночник.

Чужак.

Она чувствовала его внутри себя — холодный, плотный, как шарик ртути. Он лежал под ребром, там, где грудная клетка переходила в брюшную полость. Виллада не трогала его — ждала.

— Чужак, — сказал Картак. — В ней чужак.

Мадам Линь всхлипнула, прижала кружку к груди.

— Я знаю, — ответила Виллада. — Но тело цело. Душу Али я смогу вернуть. Чужака... — она помолчала. — Чужака можно извлечь.

Ласир смотрела на Картака. На его холодные синие глаза за маской. На то, как он сжимает край стола — так сильно, что побелели костяшки.

«Извлечь? — подумала она. — Как ошибку? Как паразита?»

Впервые за всё время — с того момента, как её сжало в точку, — Ласир Хал почувствовала страх.

Настоящий. Глубокий. Животный.

Она не хотела умирать снова. Не хотела идти в арку. Не хотела становиться ничем.

Картак наклонился ближе. Синие глаза за маской смотрели прямо в зрачки куклы — стеклянные, пустые, ничего не выражающие.

— Ты слышишь меня, чужак? — спросил он тихо. — Ты умрёшь второй раз. И третий, если понадобится. Я не позволю тебе носить лицо моей сестры.

Ласир хотела закричать.

Сказать, что она тоже была человеком. Что у неё был мир. Что её просто сжало в точку, а выбросило неизвестно куда. Что она не выбирала это тело. Что она не хотела никого обманывать.

Но кукла не умела говорить без собранной грудной клетки.

Она лишь смотрела в холодные синие глаза и ждала.

5.

Вилада прервала тишину.

— Картак, отойди, — сказала она спокойно. — Я буду чинить. А ты попей чаю с матерью. Картак не двинулся.

— Картак.

— Ты вернёшь её, — не вопрос. Приказ.

— Я всегда возвращаю то, что люблю, — Вилада щёлкнула пальцами, и над столом загорелась голографическая схема сборки. — А теперь — вы оба. К столу.

Мадам Линь молча протянула сыну кружку.

Картак взял. Не сел. Но отошёл от стола на один шаг.

Вилада опустила руки в чёрное свечение.

Ласир почувствовала, как её новое тело начинает собираться заново. Кристаллы в позвоночнике засветились ярче. Ребра встали на места с тихим щелчком. Скобы вошли в кость, фиксируя грудную клетку.

— Сейчас я начну соединять нервные окончания, — сказала Вилада. — Будет больно. Не сильно. Но непривычно.

Ласир не успела спросить, что значит «непривычно».

Первая игла вошла в основание черепа.

Мир взорвался цветом.

Она увидела себя со стороны — не Ласир Хал, не Али Линь, а что-то третье, промежуточное. Душа, вплетённая в алхимическую сеть. Импланты — её, родные, из мира, где наука стала богом — пульсировали в такт кристаллам куклы, соединяясь с ними, как два куса пазла.

— Не сопротивляйся, — сказала Вилада. — Твои импланты — это ключ. Если они приживутся, ты сможешь управлять телом. Если нет — ты застрянешь в голове. Будешь видеть, слышать, но не сможешь даже моргнуть.

Ласир перестала сопротивляться.

Импланты вспыхнули — серебряным, чёрным, голубым. Сеть под кожей засветилась, как новогодняя гирлянда. Кристаллы куклы отозвались — загудели, запели на частоте, которую Ласир чувствовала зубами.

— Есть контакт, — прошептала Вилада. — Чёрт возьми, есть.

Она убрала руки.

— Лежи тихо. Я достану чужеродный предмет.

Её пальцы скользнули под ребро — туда, где лежал холодный шарик. Ласир почувствовала, как что-то сдвинулось внутри. Не боль — потерю. Будто у неё забрали часть памяти.

Вилада вытащила ветвь.

Серебряную. Тонкую. С двумя листьями — третий, центральный, сломался и исчез неизвестно где.

— Что это? — спросил Картак, подавшись вперёд.

— Не знаю, — Вилада держала ветвь на раскрытой ладони. — Но она не отсюда. И она... живая.

Ветвь пульсировала. Слабо, едва заметно, но пульсировала — в такт сердцебиению Ласир.

— Отдай, — сказала Хозяйка Чёрного Плаща, возникая из тени в углу лаборатории.

Никто не заметил, как она вошла. Она просто была — сначала тень на стене, потом фигура в чёрном плаще, потом голос, от которого стыла кровь.

— Это моё.

Картак не отдернул руку. Не сжал пальцы. Только посмотрел — спокойно, в упор.

— Где та, что получила её? — спросила Хозяйка.

— В теле куклы, — ответил Картак. — Мы извлекли ветвь. Душа чужака осталась.

— Оставьте её, — Хозяйка сделала шаг вперёд. — Мне нужна не душа. Мне нужна книга.

— Книга у мальчика, — сказала Вилада.

— Знаю. И мальчик сожжёт её, если вы не вмешаетесь.

Хозяйка протянула костяную руку. Ветвь на ладони Вилады дёрнулась, попыталась улететь — но эльфийка сжала пальцы, не давая.

— Ветвь моя, — сказала Хозяйка. — Книга моя. Мальчик — мой, по праву сделки. А вы... вы просто пешки. И не забывайте об этом.

Она растворилась в воздухе, оставив после себя запах сухого песка и палёной кости.

Вилада выдохнула.

— Чёрт, — сказала она. — Картак, ты видел?

— Видел.

— Она рассыпается, — Вилада посмотрела на ветвь. — Я видела её руки. Мизинца нет. Безымянный почти исчез. Она не врёт — книга действительно нужна ей.

— Или она врёт лучше, чем мы думаем, — ответил Картак.

Он подошёл к столу, посмотрел на куклу. На Ласир.

— Сделай ей отдельное тело, — сказал он. — Я хочу знать, откуда у неё ветвь. И почему Хозяйка так её боится.

— Не боится, — возразила Вилада. — Охотится.

— Какая разница?

Вилада вздохнула.

— Три дня, — сказала она. — И ты будешь должен мне. Сильно должен.

— Я помню свои долги, — ответил Картак.

Он вышел из лаборатории, не оглядываясь.

Ласир осталась лежать на столе, глядя в потолок.

Впервые за долгое время она не чувствовала страха.

Только усталость.

И странное, почти незнакомое чувство, похожее на надежду.

Глава третья. Пожиратель миров

1.

Город Самри никогда не спал.

Даже в самые тёмные часы, когда голубые огни фонарей начинали мерцать, как больные звёзды, улицы жили своей жизнью. Где-то в Нижнем городе играли в кости и резались в карты — там, где стража не совала нос, потому что боялась. Где-то в Верхнем городе, за высокими стенами особняков, шептались заговорщики и заключались сделки, о которых лучше было не знать. Где-то в Среднем городе, где ютились мастерские, лавки и дома ремесленников, горели свечи в окнах — матери шили, отцы чинили, дети учились.

И только в одном месте в этот час было тихо.

Мастерская Дарила Гиста.

Она стояла в подвальном проходе между улицей Мёртвых Литейщиков и Костяным переулком — в том месте, где город как будто сжимался в приступе боли, заставляя дома наклоняться друг к другу, а мостовую — вздыбливаться буграми старого камня. Вход в мастерскую был таким низким, что взрослому мужчине приходилось нагибаться. Дверь — старой, дубовой, окованной почерневшим железом. Над дверью — вывеска, которую никто не читал: буквы стёрлись, краска облупилась, осталось только смутное воспоминание о том, что когда-то здесь жил техномаг.

Дарил Гист когда-то был кем-то.

Лет двадцать назад его имя знали в Самри. Его мастерская славилась на весь Нижний город — и не только. Он чинил артефакты, которые не брались чинить другие. Он создавал техно-талисманы, которые защищали от магии лучше любых амулетов. Он был богат, уважаем, женат на красивой женщине, которая родила ему сына.

А потом он начал пить.

Никто не знал почему. Может быть, сделка с деманитами, которая пошла не так. Может быть, проклятие, наложенное конкурентом. Может быть, просто — слабость. Та слабость, которая дремлет в каждом человеке и просыпается, когда жизнь становится слишком тяжёлой.

Дарил проиграл мастерскую в карты — и отыграл её обратно на следующий день, потому что техномаг не может быть без мастерской, как рыба без воды. Но с тех пор удача отвернулась от него. Заказы иссякли. Деньги ушли на выпивку. Жена — та, красивая, с тёплыми глазами и мягкими руками — ушла за хлебом и не вернулась.

Ради нашёл её сам.

Ему тогда было семь.

Он обошёл весь Нижний город — каждый кабак, каждую подворотню, каждый подвал. Он спрашивал у прохожих, у торговок, у стражников. Никто не видел. Никто не знал. Никому не было дела до женщины, которая ушла за хлебом и пропала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.